

16. Ushakov D.N. Tolkovyyi slovar russkogo yazyka. M., 1994. T. 1–4.
 17. Tsvetaeva M. Sbranie sochineniy v semi tomah. M., 1994–1995.
 18. Chernyih P.Ya. Istoriko-etimologicheskiy slovar sovremennogo russkogo yazyka. M., 2002. T. II. S. 253.
 19. Shmelev A.D. Russkaya yazykovaya model mira. Materialyi k slovaryu. M. : Yaz. slav. kulturyi, 2002. S. 90–93.

Concept “anguish” in the poetic idiolect by M. Tsvetaeva

There are researched the changes in the semantic structure of the word “anguish” in the poetic idiolect by M. Tsvetaeva. In the process of the analysis there is stated that the shift in the meaning of the lexeme depend on evaluation of the poetic gift as the essential component of a personality. There is proved that Tsvetaeva’s perception of anguish is opposed to the usual.

Key words: *anguish, idiolect, semantic shift, poet.*

(Статья поступила в редакцию 7.14.2014)

О.С. БАТОВА
(Волгоград)

ОБРАЗ «БЛУДНОГО СЫНА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. ПАНТЕЛЕЕВА О БЕСПРИЗОРНИКАХ

Рассматривается отражение архетипа «блудный сын» в произведениях Л. Пантелеева о беспризорниках. Показано, как герои, подобно евангельскому блудному сыну, пройдя череду испытаний и ошибок, постепенно приближаются к божественно прекрасному первообразу, возвращаясь к социальной и моральной норме.

Ключевые слова: *архетип, притча, грех, раскаяние, соборность.*

Традиционно произведения Л. Пантелеева о беспризорниках («Республику ШКИД», написанную совместно с Г. Белых, рассказ «Портрет» и повесть «Часы») отечественная критика рассматривала как повествование об изменении сознания «человека в социалистическом

обществе» [6, с. 217]. По мнению А. Ивича, автор сумел «разглядеть человека под разбедающей его душу коростой грубости, примитивного себялюбия, аморальных поступков – всего, что нажито беспризорным детством» [Там же, с. 216]; именно таким образом происходило высвобождение ребят «из-под власти улицы» [12, с. 54]. Иное, в том числе религиозно-философское, толкование данных произведений являлось практически невозможным, поскольку поведение персонажей-детей отечественные литературоведы (например, Б.М. Сарнов, С.Я. Маршак) трактовали в полном соответствии с общепринятой идеологической парадигмой. Примечательно, что в автобиографической повести «Верую» Л. Пантелеев признавался, «что верил в Бога с детства». Однако в годы «самого дикого, самого злого, жестокого и разнузданного безбожия» автор должен был скрывать свою религиозность: «Всю жизнь, исповедуя христианство, я был плохим христианином...» [9, с. 21, 13, 12].

В последние десятилетия в связи с изменившейся социокультурной ситуацией усилился интерес к духовному содержанию русской литературы, прежде всего, к ее многослойному библейскому подтексту, «духовные смыслы которого обнаруживаются посредством анализа библейских реминисценций на мотивном, сюжетном, образном уровнях» [1, с. 3]. В связи с этим представляется оправданной наша попытка акцентировать внимание на религиозном подтексте произведений писателя и рассмотреть, какое отражение в них нашли библейские мотивы и образы, в частности архетип «блудного сына». Притча о блудном сыне «в силу содержащейся в ней житейской мудрости» является одним «из наиболее часто воспроизводимых в русской литературе эпизодов Священного Писания» [1, с. 3], этот мифопоэтический пласт, на наш взгляд, нашел отражение и в произведениях Л. Пантелеева о беспризорном детстве.

По мнению А.В. Чернова, архетип блудного сына «изначален и определяющ» [4, с. 152]; «сюжет притчи содержит в себе комплекс мотивов, отзвуки которых мы чаще всего обнаруживаем в произведениях, связанных в русской литературе с темой духовного кризиса, заблуждений и жизненных скитаний ее героев» [2, с. 107]. Как правило, образ блудного сына привлекает писателей, изображающих в своих произведениях столкновение различных мировоззрений, рост личностного начала.

Многие авторы актуализируют бытовой смысл притчи, однако, «начиная с пушкинской эпохи, наблюдается перенос этого сюжета в иную плоскость»: в «Станционном смотрителе» притча приобретает уже «не бытовой, а сакральный смысл» [4, с. 152].

Заметим, что и детская литература первой трети XX в., повествующая о переходной эпохе войн и революций, обращается к евангельскому сюжету. Так, А.П. Гайдар вводит в свою повесть «Школа» притчу о блудном сыне, разумеется, «в аллегорическом <...> смысле и только для того, чтобы ее развенчать, опровергнуть» [3, с. 105]. По мнению исследователя, беды подростков – результат того, что настоящими блудными сынами были их отцы, которые развязали братоубийственную войну. Борис Гориков, в отличие от библейского прообраза, родной дом даже не вспоминает, он обретает «метафорическую семью», вступая в партию коммунистов.

Своеобразная метафорическая модель евангельского сюжета представлена и в произведениях Л. Пантелеева. Его герои покидают родной дом и, подобно блудному сыну, порывают с традиционными моральными устоями, тем самым отдаляясь от божественно прекрасного первообраза. Своими деяниями они только подтверждают притчевую истину, расточая «имение свое, живя распутно» (Лк. 15: 13). Отметим, что в данном случае речь идет о широком толковании евангельской притчи: «*И ту расточи имение свое. Разумей все дары естества и благодати. Ибо грешник, предавшись в похоть, теряет благодать Божию, любовь и добродетель: притупляет разум, так что ни Бога, ни добродетели не познает; теряет воспоминание закона, и благодеяний Божиих; волю развращает так, что порок добродетели, землю небу, диавола Богу предпочитает; и вместо навыка к добрым делам приобретает навык и склонность ко злу...*» [11, с. 466].

Напомним некоторые поступки персонажей «Республики ШКИД»: Громоносцев все время «дрался, ругался, воровал»; Воробьев чуть не убил заведующего детским домом только за то, что тот не пустил его гулять; Янкель «садился около кружки с пожертвованиями и двумя пальцами начинал обрабатывать ее содержимое» [8, с. 30, 41]. «Психологическая близость» [2, с. 115] блудному сыну отчетливо видна в образе шкидца Леньки: почувствовав скуку и забыв свои обязанности сына и брата, мальчик уходит из дома. Автобиографический характер данного образа несомне-

нен: не случайно в повести «Верую» Л. Пантелеев признавался, что и сам в годы юности пережил соблазн безверия, на собственном опыте познал, что чувствует человек, в душе которого «уже ничего святого нет» [9, с. 31]. Считая, что «Бога нет! Все позволено. Все можно. Забыты Моисеевы заповеди» [Там же], Ленька начал воровать, а, попав в Шкиду, демонстрируя свое богоотступничество, сорвал ладанку с шеи мальчика. Всю оставшуюся жизнь писатель считал этот поступок самым страшным грехом: «Это сейчас, издавек так мне кажется, будто я был в яме. А тогда, вероятно, лукавый здорово путал меня» [Там же, с. 32].

Однако сами герои-подростки отнюдь не ощущают греховности своего существования, более того – они оценивают собственное поведение как естественную норму жизни. Например, Петька Валет, герой повести «Часы», попробовал «гирю украсть. Но гирию украсть ему не позволили. Гирей стукнули Петьку слегка по затылку. Пошел Петька дальше. Попробовал кадку украсть. И с кадкой попался. Кадку оставил и дальше пошел» [10, с. 12]. По мнению мальчика, воровство не является грехом, ведь он «ничего особенного не сделал, только взял пампушку, понюхал и положил в карман. И даже обидного ничего не сказал той бабе» [Там же]. Под стать поступкам ребенка и его нравственный идеал: Петька мечтает со временем сделаться лучшим налетчиком, что позволит ему курить лучшие папиросы и одеваться в «клевш, френчик. Майку полосатую... Штиблеты» [Там же, с. 15].

В отличие от шкидцев и Петьки Валета, Коська, персонаж рассказа Л. Пантелеева «Портрет», – вор начинающий и поначалу даже не желающий заниматься этим промыслом: «не умеет Коська воровать. Не выйдет из него порядочный вор – это и ребята говорят, и сам он видит. И “стрелять” разучился. Пойдет милостыньку просить, а глаза у него бегают: люди сразу видят, что он за человек такой. – Иди, иди, – говорят. – Знаем мы, какой ты сирота. Вор – по глазам видно» [Там же, с. 59]. Обратим внимание на словосочетание *порядочный вор*. Как отмечает Д.С. Лихачев, в воровском мире существует множество «правил, норм, своеобразных понятий о “приличии”, “хорошем тоне”, также он характеризуется «сложной иерархией подчинения друг другу» [7, с. 60], что получает отражение и в языке. Смысл слова *порядочный* «может быть только разгадан во фразе и в конкретной обстановке, в определенной внешней ситуации» [Там же, с. 73]. Употреблен-

ный автором оксюморон *порядочный вор* позволяет читателю понять, как в криминальном мире происходит изменение нравственных понятий и истинных значений слов. Мечтая о признании своих заслуг преступным сообществом, маленький герой Л. Пантелеева не хочет беспрекословно подчиняться кому-либо и выполнять чьи-то поручения. Коська размышляет о фигуре вора, отлично знающего уголовные законы.

Причину нравственного падения персонажей Л. Пантелеева литературная критика советского периода объясняла исключительно социальными условиями. По мнению А. Ивича, все плохое, вся эта грязь выросла на этих ребят «под влиянием случайных условий детства» [6, с. 216]. С одной стороны, именно историческое время формировало характер подростков, ведь дети столкнулись с жестоким миром революционных событий, инициаторами которых были не они, а взрослые. Маленькие герои познали, что такое сиротство и голодное существование. С другой стороны, как известно, человек, в силу дарованной ему Богом свободы выбора, может сам решать: подчиняться или не подчиняться нравственным законам. В повести «Верую» писатель отмечает: «Свобода! Вот чего прежде всего требует душа человеческая. Свобода молиться. И свобода не молиться. Это я говорю о внешней, регламентированной свободе. Но есть ведь еще и высшая, внутренняя свобода – та благодать Божья, которая дается нам свыше и никак не зависит ни от законов, ни от конституций. <...> Это та свобода, когда человек бесстрашно и даже радостно следует заповедям Господним...» [9, с. 124]. Однако, поддаваясь соблазнам, персонажи Л. Пантелеева делают свой выбор: нарушают веками устоявшиеся представления о добре и зле и впадают в грех, т.е. совершают «моральное зло, состоящее в нарушении действием, словом или мыслью воли Бога» [13, с. 342], следствием чего становится их духовное и физическое вырождение.

Дети ожесточаются и утрачивают способность к состраданию и покаянию. Например, Петька Валет не жалеет о краже часов у Кудеяра и не собирается признаваться в содеянном. Более того – Коська даже пытается преуменьшить степень своей личной ответственности за произошедшее: «не украл ведь я. Ведь сама корзинка упала, я только за ремешок потянул» [10, с. 56]. И если вначале мальчик испытывает сложную гамму противоречивых чувств («и стыдно ему, и радостно» [Там же]), то потом

он уже без всяких сомнений и страданий продает краденые вещи.

Поскольку в христианстве грех связан с идеей спасения и искупления, кульминацией евангельской притчи становится возвращение сына к Отцу после всех испытаний. Как полагал Л. Пантелеев, чудо заложено в самом человеке в виде неумирающего нравственного закона, в соответствии с которым блудный сын не может, оставаясь подобием Божиим, не вернуться к Отцу: «Люди ищут Бога. И всегда будут искать. Потому что можно убить человека, можно убить целый народ, но нельзя убить идею Бога. Люди ищут путей общения с Ним. В один прекрасный день огонек веры зажегся в душе молодого – или не очень молодого – человека. В этот счастливый день он начинает понимать, что без Бога жизнь – бессмыслица» [9, с. 130].

Эволюция человека осуществляется через углубление в себя и постижение извечных законов бытия, через испытания он «возвращается» к себе истинному, а значит, к Богу. Самое главное, что способствует духовному перерождению личности, – это единение человека с окружающими его людьми. «Живя, мы собираемся сами с собой – и в пространстве, и во времени, как целостный организм, собираемся воедино из отдельных <...> элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр. и пр. Подобно мы собираемся в семью, в род, в народ и т. д., собираясь до человечества и включая в единство человечности весь мир» [14, с. 343].

В основе греха лежит эгоизм и самолюбие: не случайно в начале повествования герои Пантелеева замкнуты, одиноки и обособлены. Это воры, которые думают только о собственном благополучии. Достаточно вспомнить Гришку Черных, у которого уже «выработались свои взгляды на жизнь. Он стал какой-то холодный ко всему, <...> а правилом себе поставил: «Живи так, чтоб тебе было хорошо» [8, с. 43]. Под стать ему и Колька Громоносцев, который, нахально оглядев в первый день в Шкиде ребят, решил, «что среди присутствующих сильнее его никого нет, *независимо* (курсив наш. – О.Б.) поздоровался: – Здравствуйте, сволочи!» [Там же, с. 29]. Равнодушен к проникновенным просьбам Кудеяра, умоляющего вернуть часы («Детки у меня голодные, жена большая... Век я тебе благодарен буду» [10, с. 33]), и Петька Валет.

Однако, постепенно приобщившись в колллективе к нормальным человеческим ценностям, ребята начинают чувствовать себя единым целым, учатся уважать и любить своих

близких и ценить человека в себе. «До нравственного перелома» [5, с. 93] души ребят были закрыты для любви к ближнему, не являющейся «следствием личной симпатии или восхищения другим; в ней актуализируется доброта человека» [15, с. 242]. Результаты нравственного просветления не замедлили себя ждать: шкидцы обрушиваются на Слаенова, опутавшего их своей сетью «паучка». Подростки начинают понимать, что рабство противоречит их единению: возникают их «духовное прозрение и откровение, неведомые поверхностному интеллекту» [5, с. 89].

В результате переосмысления прежнего опыта жизни Петька Валет забывает о своем воровском идеале и начинает испытывать чувство привязанности к ребятам и воспитателям из приюта: «здесь воспитатель сидел и книжку читал. Вон там ребята в рюхи играли. Вот тут я...» [10, с. 49]. Коська искренне начинает любить Бороду, относящегося к нему по-отечески, и с радостью соглашается стать братом его дочери Наташи: «– В сестры меня возьмешь? Засмеялся Коська. Носом зашмыгал. Засопел. – Я-го, – говорит, – возьму. Пожалуйста. А ты меня в братья возьмешь? – Возьму» [Там же, с. 69]. Героям Л. Пантелеева удается «воскреснуть» «не своею индивидуальной волею и властью, но посредством *Ближнего*» [5, с. 93]. Таким образом, «соборное единение» бывших беспризорников может быть объяснено совпадением «сверхличного «долга» и свободного самоопределения героев» [Там же, с. 97, 75]. Теперь вместо эгоизма, основы греха, персонажей наполняет любовь – главная христианская добродетель.

Библейская притча подчеркивает, что кающийся грешник никого не винит в своих бедах, он не оправдывает свои пороки ссылкой на внешние обстоятельства, осознавая, что грешен он сам. Подобно библейскому герою, пройдя череду испытаний, персонажи Л. Пантелеева начинают понимать, насколько аморальны были их поступки и мелочны представления о жизни. Писатель вводит в свое повествование мотив раскаяния, который реализуется через появившееся у его героев чувство стыда: шкидцам стало совестно продолжать «бузить» и мечтать сделать великими налетчиками; Петьке «стыдно было, что у пьяного часы украл. Сам удивился: что за черт? Что такое случилось? Откуда такое – стыд?.. [10, с. 46]. «Можно сказать, что в этом случае проявляется чрезвычайно существенное для христианского понимания человеческой природы, а также для понимания авторского отношения к герою – *надежда* и

вера в любого человека, <...> потенциальная возможность покаяния, пока этот человек жив» [5, с. 50]. В рассказе «Портрет» воплощается еще один мотив притчи – прощение. Его функцию несет решение Коськи извиниться за свой поступок перед сестрой Наташей.

В повести «Верую» автор замечает: «Да, человек думающий не может не искать Бога. Душа просыпается и тянется к высокому» [9, с. 131]. Вместо забвения заповедей Божиих приходит любовь к ближнему. Постепенное возвращение «к себе» способствует движению к нравственной и социальной норме. В эпилоге «Республики ШКИД» перед нами совершенно другие герои: Долгорукий, Громоносцев и Бессовестин с радостью занимают сельским хозяйством, Японец нашел место заведующего клубом в отделении милиции, Кобчик учится в техникуме речи, Купец становится красным офицером, Воробей работает в типографии вместе с Кубышкой, Мамочкой, Горбушкой и Адмиралом. Изменились и жизненные ценности Коськи, который с гордостью признается: «Я теперь не вор, а пролетарий» [10, с. 66].

Акцентируя внимание на религиозном подтексте произведений Л. Пантелеева о беспризорниках, мы рассмотрели отражение в повестях и рассказах писателя метафорической модели притчи о блудном сыне. Герои-дети, как и евангельский блудный сын, пройдя череду испытаний и ошибок, приближаются к божественно прекрасному первообразу, возвращаясь к социальной и моральной норме. «Блудные дети» духовно возрождаются с помощью собственных усилий и единения с окружающими их людьми.

Литература

1. Габдуллина В.И. Мотив блудного сына в произведениях Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева : учеб. пособие. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2006.
2. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя : моногр. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007.
3. Долженко Л.В. Рациональное и эмоциональное в русской детской литературе 50–80-х годов XX в. (Н.Н. Носов, В.Ю. Драгунский, В.П. Крапивин) : моногр. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2001.
4. Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр. Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1994.
5. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995.

6. Ивич А. Воспитание поколений : о советской литературе для детей. 4-е изд. М. : Дет. лит., 1969.
7. Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи [Электронный ресурс]. М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1935. URL : <http://www.lihachev.ru>.
8. Пантелеев Л.И. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2: «Республика Шкид». Шкидские рассказы. Рассказы для маленьких. Л. : Дет. лит., 1970.
9. Пантелеев Л.И. Верую...: последние повести. Л. : Сов. писатель, 1991.
10. Пантелеев Л.И. О маленьких и больших: рассказы. Литературные портреты. Публицистика. Л. : Дет. лит., 1979.
11. Приточник Евангельский, или Изъяснение притчей. 2-е изд. М. : Синодальная типография, 1882.
12. Путилова Е.О. ...Началось в республике Шкид: очерк жизни и творчества Л. Пантелеева. Л. : Дет. лит., 1986.
13. Универсальный энциклопедический словарь. М. : Большая рос. энцикл., 2000.
14. Флоренский П.А. Собрание сочинений: [в 2 т.]. Т. 2: У водоразделов мысли. М. : Правда, 1990.
15. Этика : энцикл. словарь / под общ. ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М. : Гардарика, 2001.

* * *

1. Gabdullina V.I. Motiv bludnogo syina v proizvedeniyah F.M. Dostoevskogo i I.S. Turgeneva : ucheb. posobie. Barnaul : Izd-vo BGPU, 2006.
2. Goldenberg A.H. Arhetipy v poetike N.V. Gogolya : monogr. Volgograd : Izd-vo VGPU «Peremena», 2007.
3. Dolzhenko L.V. Ratsionalnoe i emotsionalnoe v russkoy detskoj literature 50 – 80 godov XX v. (N.N. Nosov, V.Yu. Dragunskiy, V.P. Krapivin): monogr. Volgograd : Izd-vo VGPU «Peremena», 2001.
4. Evangelskiy tekst v russkoy literature XVIII – XX vekov : tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr : sb. nauch. tr. Petrozavodsk : Izd-vo Petrozavod. un-ta, 1994.
5. Esaulov I.A. Kategoriya sobornosti v russkoy literature. Petrozavodsk : Izd-vo Petrozavod. un-ta, 1995.
6. Ivich A. Vospitanie pokoleniy : o sovetskoi literature dlya detey. 4-е изд. М. : Дет. лит., 1969.
7. Lihachev D.S. Cherty pervobyitnogo primitivizma vorovskoy rechi [Elektronnyy resurs]. М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1935. URL : <http://www.lihachev.ru>.
8. Panteleev L.I. Sbranie sochineniy : v 4 t. Т. 2: «Respublika Shkid». Shkidskie rasskazy. Rasskazy dlya malenkih. L. : Det. lit., 1970.
9. Panteleev L.I. Veruyu...: poslednie povesti. L. : Sov. pisatel, 1991.
10. Panteleev L.I. O malenkih i bolshih: rasskazy. Literaturnye portrety. Publitsistika. L. : Det. lit., 1979.
11. Pritochnik Evangelskiy, ili Iz'yasnenie pritchey. 2-е изд. М. : Sinodalnaya tipografiya, 1882.

12. Putilova E.O. ...Nachalos v respublike Shkid: ocherk zhizni i tvorchestva L. Panteleeva. L. : Det. lit., 1986.
13. Universalnyy entsiklopedicheskiy slovar. М. : Bolshaya ros. entsikl., 2000.
14. Florenskiy P.A. Sbranie sochineniy: [v 2 t.]. Т. 2: U vodorazdelov myisli. М. : Pravda, 1990.
15. Etika : entsikl. slovar / pod obsch. red. R.G. Apresyana, A.A. Guseynova. М. : Gardariki, 2001.

Image of “prodigal son” in the works by L. Panteleev about homeless children

There is considered the reflection of the archetype “prodigal son” in the works by L. Panteleev about homeless children. There is shown how the heroes, like the evangelical prodigal son, coming across the sequence of ordeals and mistakes, gradually approach the heavenly fair prototype, returning to the social and moral standard.

Key words: *archetype, parable, sin, repentance, sobornost.*

(Статья поступила в редакцию 30.12.2013)

Л.С. ШКУРАТ
(Липецк)

ОБРАЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА «БЕЗ МИЛОСЕРДИЯ» В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ХАРАКТЕРОЛОГИИ Ю.В. БОНДАРЕВА

Анализируется роман Ю.В. Бондарева «Без милосердия» в аспекте типологичной для всей прозы писателя проблемы нравственного выбора человека. Акцентируется внимание на духовной эволюции главного героя произведения, нравственные искания которого вписываются в контекст бондаревской литературной характерологии.

Ключевые слова: *проза Ю.В. Бондарева, роман «Без милосердия», литературный контекст, характерология, духовные искания, нравственный выбор.*

Роман «Без милосердия» – это последнее крупное прозаическое произведение Ю.В. Бондарева, опубликованное в начале XXI в. По замечанию исследователя В.А. Гаврилова, автора едва ли не единственной на се-